

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. И. Моисеев

А. А. БЛОК. «НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ».

Построение и содержание текста
(к 90-летию написания)

«На поле Куликовом» — это цикл стихотворений А. А. Блока, состоящий из пяти лишь занумерованных (без названий) стихотворений, написанных в середине и второй половине 1908 года (7, 8, 14 июня, 31 июля и 23 декабря).

Все стихотворения строфические, включающие, соответственно, 7, 4, 8, 7 и 4 строфы-четверостишия. Стихотворный размер также разнообразный: ямб (1-е и 5-е стихотворение), хорей (2-е и 3-е стихотворение), амфибрахий (4-е стихотворение).

Для примера-иллюстрации приведем по одной строчке из каждого стихотворения:¹

В степи грустят стога (1, I, 4)	— — — — —	ямб
Долго будет родина больна (2, IV, 2)	— — — — —	хорей
Слышал я Твой голос сердцем вещим (3, II, 3)	— — — — —	хорей
Вздымаются светлые мысли (4, VI, 1)	— — — — —	амфибрахий
Теперь Твой час настал, — Молись! (5, IV, 4)	— — — — —	ямб

В 1-м и 3-м стихотворениях цикла строки разностопные (с разным количеством стоп и, следовательно, слогов в строке), осложненные к тому же чередованием мужских и женских рифм (что имеет место и в равностопных строках):

И, чертя круги, ночные птицы	— — — — —	10 слогов
Реяли вдали.	— — — — —	5 »
А над Русью тихие зарницы	— — — — —	10 »
Князя стерегли (3, IV, 1–4)	— — — — —	5 »

Разностопность, чередование длинных и коротких строк создают специфический, вибрирующий ритм: короткие строки перебивают плавное течение мелодики, заданное длинными строками, и выделяют главное, подводят определенный итог.

© А. И. Моисеев, 1999

¹ Цит. по изд.: Блок Александр. Избранные произведения. Лениздат, 1970. — Первая, арабская, цифра — № стихотворения в цикле, вторая, римская, — № строфы (в книге они не имеют нумерации), третья, арабская, — № строки в строфе. Слова, снабженные знаком (*), вынесены для пояснения в примечания в конце статьи. Примечания рассчитаны на практику преподавания РКИ.

Содержательно, идейно цикл «На поле Куликовом» — комплекс раздумий поэта над судьбами Родины. В этом отношении показательны названия, заглавия самого цикла «На поле Куликовом» (об этом несколько далее) и «окружающих» его других произведений поэта: цикл «На поле Куликовом» входит как часть, как подцикл а более широкий цикл, названный «Родина», а сразу после него в 3-й книге стихотворений Блока помещено стихотворение «Россия», написанное в то же время (датируется — 4 ноября 1908 г.). В самом цикле наша страна названа другим, старинным именем Русь*, повторенным в нем неоднократно:

- О, **РУСЬ** моя... (1, II, 1),
- В твоей тоске, О, **РУСЬ!**.. (3, III, 2),
- Над **Русью** тихие зарницы... (3, IV, 2),
- Я вижу над **Русью** далече Широкий... пожар (4, IV, 3-4).

Ономастический архаизм служит здесь средством выражения поэтического подъема, авторской патетики. Использовано и слово *родина* в характерном для цикла контексте: Долго будет **Родина** больна... (2, IV, 3).

Повторы, лексические и синтаксические (синтаксический параллелизм), отмеченные здесь попутно, являются самой показательной приметой построения текста этого цикла, особенно 1-го его стихотворения (на 28 строк — около 20 повторений). (См. далее по тексту и в небольшом специальном обобщении.)

Главная мысль, центральная идея цикла выражена восклицанием: «Покоя нет!» (1, VII, 3). Примерно в тех же словах она воспроизведена в цикле трижды:

- **Покоя** нет! (1, VII, 3),
- **Покой** нам только снится (1, V, 1),
- Не может сердце жить **Покоем** (5, IV, 1).

Характерен и ближайший контекст этих выражений:

- Не может сердце жить **Покоем**,
- Недаром тучи собрались (5, IV, 1-2).

Еще более остро — в первом стихотворении:

- И вечный бой! **Покой** нам только снится
- Сквозь кровь и пыль... (1, V, 1-2).

Имеется, видимо, какая-то важная причина, какой-то острый конфликт, порождающий такую ситуацию и такую на нее реакцию поэта.

Конфликт намечен уже самим названием цикла — «На поле Куликовом»*. Образ поля Куликова воспроизведен и в тексте:

- Опять **над полем Куликовым**
- Взошла и расточилась* мгла (5, I, 1-2).

Но этот образ предполагает определенные знания, которые необходимы для понимания данного художественного произведения, но которые нельзя получить из самого этого произведения. Такие знания приобретаются в школе, из научной литературы, из энциклопедий и справочников и поэтому условно называются энциклопедическими знаниями. Куликово поле — место Куликовской битвы. Оно расположено в верховьях Дона (Тульская обл.), в междуречье Дона и его левого притока — Непрядвы. Куликовская битва (произошла 8 сентября 1380 г.) — это сражение русских полков под предводительством великого князя Московского и Владимирского Дмитрия (прозванного впоследствии Донским) с монголо-татарскими войсками под началом темника* Мамай, фактического правителя (хана*) Золотой Орды*. Битва закончилась победой русских сил. Мамай бежал в Крым и там погиб.

Если это в той или иной степени известно, то можно понять и текстовые представления конфликта. Они даны уже в первом стихотворении:

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет *святое знамя*
и *ханской сабли* сталь (1, IV, 1-4).

Именно здесь, сразу же за этой строфой, за этими словами звучит знаменитое Блоковское «*И вечный бой! Покой нам только снится...*» (1, V, 1). И это не чья-то неуживчивость, не экстремизм, а неизбежное, неминуемое следствие того, что в русской степи, в *степном дыму* встречаются, сталкиваются *святое знамя* (в следующем стихотворении цикла — «Светлый стяг над нашими полками», 2, II, 3) и *ханской сабли сталь*. Понятно поэтому, что дальше, если не сам «вечный бой», то ближайшие подступы к нему — встречное движение княжеской рати и ханской орды:

— С полуночи тучей возносились
княжеская рать (3, III, 1-2);
— И... наутро тучей черной
Двинулась *орда* (3, VIII, 1-2).

Названы и предводители, вожди войск — князь (русский князь) и Мамай, опять в контрастном контексте («клекот» и «зарницы»):

— В ночь, когда *Мамай* залег с ордою
Степи и мосты... (3, I, 1-2),
— Орлий *клекот** над татарским станом
Угрожал бедой (3, V, 1-2);
— А над Русью тихие *зарницы*
*князя** берегли (3, IV, 3-4).

Даже оружие и снаряжение различны: ханская сабля* и меч*, кольчуга*, доспех*:

В степном дыму блеснет...	↔	{	Серебром волны блеснула другу
<i>Ханской сабли</i> сталь			На стальном <i>мече</i> ,
			Освежила пыльную <i>кольчугу</i>
			На моем плече (3, VII, 1-4).

Дальше — доспех: «доспех тяжел».

Но конфликт отмечен не только этими приметам и деталями, выразителен и общий фон, общая обстановка, начиная с реки, далее степь, тучи, мгла.

Картиной реки открывается первое стихотворение цикла и, следовательно, цикл в целом:

Река раскинулась, Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В *степи* грустят стога (1, I, 1-4).

Картина эпическая — широкая (река — рас-ки-ну-лась), спокойная и даже «ленивая»: «Река... течет, грустит *лениво*». Но тут же сразу, без какого-либо перехода, — резкий излом повествования, ввод основного конфликта:

О Русь моя!.. До боли
Нам ясен долгий путь...
Наш путь стрелой татарской древней воли
пронзил нам грудь (1, II, 1-4).

Этим «изломом» первое стихотворение цикла делится на две *неравные* части:
1) картина эпически спокойной природы — степь, река, стога и т.п. (1-я строфа)
и 2) стремительное, неукротимое движение (все остальные шесть *строф*):

- *Домчимся*. Озарим кострами степную даль (1, IV, 3-4);
- *Летит, летит степная кобылица*
И мнет ковыль... (1, V, 3-4)
- *И нет конца! Мелькают версты, кручи...*
Останови! (1, VI, 1-2);
- *Покоя нет! Степная кобылица*
Несется вскачь! (1, VII, 3-4).

И даже тучи втягиваются в это движение: «*Идут, идут испуганные тучи. Закат в крови!*» (1, IV, 3-4). Тучи, однако, не бегут, а «идут», с повтором: «Идут, идут...» Тут другой образ — грозная медлительность. Ср. у Лермонтова:

Идут все полки могучи, Шумны, как поток,
страшно-медленны, как тучи, Прямо на Восток (Спор).

Показательны знаки препинания: в четырех строчках первой строфы — три точки, а в следующих строфах — 11 восклицательных знаков и три многоточия.

Но река появится еще не раз: то просто «река», то река под собственным именем. Но и просто «река» здесь не любая река, как, скажем, в известной народной песне: «Липа вековая **НАД РЕКОЙ** стоит», — а река, если не вполне определенная, то одна из двух — *Дон** или *Непрядва**: само Поле Куликово стоит в междуречье Непрядвы и Дона, и обе эти реки названы далее своими именами:

Перед Доном, темным и зловещим,
Средь ночных полей... (3, II, 1-2).

А Непрядва названа даже трижды:

- *За Непрядвой* лебеди кричали,
И опять, опять они кричат (2, I, 3-4);
- *А Непрядва* убралась туманом,
Что княжна фатой (3, V, 3-4);
- И с туманом *над Непрядвой* спящей... (3, VI, 1)/

Реки при этом оказываются своеобразной гранью, за которой что-то находится, что-то происходит:

- За Непрядвой *лебеди кричали*... (2, I, 1);
- Опять за туманной рекой
Ты кличешь меня издали (4, I, 4);
- За рекой — *Поганая орда** (2, IV, 2).

Разнообразно представлены *степь* и определитель *степной*, символизирующие ширь и простор Руси:

- В *степи* грустят стога (1, I, 4);
- Наш путь *степной*... (1, 1);
- Озарим кострами *степную* даль (1, IV, 1-2);
- В степном дыму блеснет святое знамя (1, IV, 3);
- Мы сам-друг* над *степью* в полночь стали (2, I, 1);
- Мамай залег с ордою *степи* и мосты (3, I, 1-2).

Сверх того — трижды *степная кобылица*, а также *ковыль* как непрременная яркая примета степей (ср. *ковыльная* — своего рода постоянный эпитет степи):

- Летит, летит *степная кобылица*
И мнет *ковыль*... (1, V, 3-4);
- Покоя нет! *степная кобылица*
Несется вскачь! (1, VII, 3-4);
- Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны (4, II, 1-2).
- Опять с вековой тоскою
Прильнули к земле *ковыли* (4, I, 1-2).

Но преобладают все-таки картины или образы *ночи, мглы, туч* и т.п. как показатели или предвестники «мятежных дней и бед».

НОЧЬ (далее — *ночной, полночь*):

- Пусть *ночь*. Домчимся... (1, IV, 1);
- В *ночь*, когда Мамай залег с ордою... (3, I, 1);
- Мы, сам-друг, над степью в полночь стали (2, I, 1).

ТУЧИ:

- Идут, идут испуганные *тучи* (1, IV, 3);
- Недаром *тучи* собрались (5, IV, 2).

МГЛА:

- Опять на поле Куликовом
Взошла и расточилась *мгла* (5, I, 1-2)
- За разливающейся *мглой*...
Не видно молнии боевой (5, II, 4).

Нередко ночь, тучи, мгла оказываются рядом в одной строке или в соседних строках, усиливая общее предчувствие «мятежных дней»:

- И даже *мглы* — *ночной* и зарубежной
Я не боюсь (1, III, 3-4);
- Перед Доном, *темным* и *зловещим*,
Средь *ночных* полей... (3, II, 1-2)
- С *полночи тучей* возносились
Княжеская рать (3, III, 1-2);
- Встречаются вольные ТУЧИ
Во *мглистой ночной* вышине (4, V, 3-4).

Тревогу и даже беды возвещают также встревоженные птицы (в частности, *ночные* птицы) своим летом и особенно своими криками (выделяется клекот орлов — «орлий клекот»):

- За Непрядвой *лебеди кричали*,
И опять, опять они *кричат* (3, I, 3-4);
- Слышал я твой голос
В *криках лебедей* (3, II, 3-4);
- И, чертя круги² *ночные птицы*
реяли вдали (3, IV, 1-2);
- *Орлий* клекот** над татарским станом
Угрожал *бедой* (3, V, 1-2);
- Над вражьем станом, как бывало,
И *плеск** и *трубы** *лебедей* (5, III, 3-4)³.

² Ср. Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит...
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить? (Коршун).

³ За пределами цикла «На поле Куликовом», но в пределах более крупного цикла «Родина» А. А. Блок еще не раз обратится к птицам. Это будут гуси, журавли, соколы, вороны и воронье, коршун и опять-таки лебеди:

- Соколов, лебедей в степь распустила ты (С. 391),
- Разговор гусиных стай (393),
- Мы ... следим
За летом журавлиным (389),
- Ворон глухо зовет товарищей своих (389),
- Взовьется с криком воронье (402),
- Над сонным лугом коршун кружит (403).

У поэта, как у древнеримских авгуров, была, видимо, какая-то своя система символов, связанная с (по)летом и криками птиц. Выявить и понять значение этих символов — задача особая. Поэт ставит перед собой и читателями этот вопрос и как будто не знает ответа:

И наконец, ГРУСТЬ И ТОСКА... И здесь повторы:

- Река течет, *грустит* лениво (1, I, 1).
- В степи *грустят* стога (1, I, 1)/
- Наш путь степной, наш путь в *тоске* безбрежной,
В своей *тоске*, о *Русь*! (1, III, 1-2);
- Опять с вековой *тоскою*
Пригнулись к земле ковыли (4, I, 1-2).

На этом примере или в связи с ним можно рассмотреть виды повторов и их роль в тексте.

Повторы, как было отмечено ранее, самая заметная особенность текста цикла, главным образом его первого стихотворения. Повторы, встречающиеся в тексте, — трех видов:

1) контактные

- *Идут, идут* испуганные тучи (1, VI, 3);
- За Непрядвой лебеди кричали,
И *опять, опять* они кричат (2, I, 3-4).

2) короткодистантные повторы в ближайшем, но не контактном контексте

- Река... *грустит* лениво...
В степи *грустят* стога.
- ... В *тоске* безбрежной,
В твоей *тоске*, о, Русь (1, III, 1-2);
- Закат в *крови*! Из сердца *кровь* струится!
плачь, сердце, *плачь*... (1, VII, 1-2).

3) длиннодистантные повторы, разделенные несколькими строчками и даже строфами:

- ... *покой* нам только снится (1, III, 1-2)

и через строфу, через 10 строк:

ПОКОЯ НЕТ! (1, VII, 3).

Контактные повторы выполняют усилительную функцию, ср. *Далеко, далеко...* *Старался, старался* и т. п. У длиннодистантных повторов — объединительная функция: они скрепляют текст, укрепляя его целостность и единство. Короткодистантные повторы служат средством развития, движения текста. Именно здесь происходит то, что лингвисты определяют как смену тем и рем, известного и нового при актуальном членении предложений. Повторы со словами *грустить* и *тоска* в составе первого стихотворения относятся к этому, короткодистантному виду повторов и в них отчетливо видна смена рем (нового) и тем (известного), что связано с интонацией, логическим ударением (темы выделены курсивом, ремы — прописными буквами):

Река... ГРУСТИТ лениво // В степи *грустят* СТОГА (1, I, 1 и 4).
Наш путь В ТОСКЕ безбрежной // В ТВОЕЙ *тоске*, о Русь!.. (1, III, 1-2).

То же в последней строфе стихотворения:

Закат В КРОВИ, ИЗ СЕРДЦА *кровь* струится.

Синтаксические повторы (синтаксический параллелизм) дополняются элементами инверсии и хиазма: И нет конца! // Покоя нет! В тоске безбрежной // В твоей тоске; За тишиною непробудной // За разливающейся мглой, и т. п.

И долго...
Мы взором пристальным следим
За летом журавлиным...
Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит? О чем, о чем?
Что плач осенний значит? (Осенний день, С. 389).

В такой обстановке существует герой, лирический герой цикла. Каково же его место во всем этом?

Лирический герой* — это посредник между поэтом и читателем. Он воплощает в себе все то, что сближает, объединяет поэта и читателя, вносит в их отношения мотив доверительности, поэт доверяет свои мысли читателю, читатель верит поэту.

Лирический герой цикла «На поле куликовом» представлен многообразно, во многих ситуациях времени и пространства, во многих ликах или, как иногда говорят, ипостасях.

1) Просто «Я» но разный «Я», к тому же всякий раз в ночи и мгле:

И даже мглы ночной и зарубежной —
Я не боюсь (1 III, 3–4);
Средь ночных полей
Слышал Я твой голос сердце вещим... (3, II, 1–2).

«Я» выражается также местоимением «мой» и личной формой глагола: «О, Русь моя», но «*узнаю* тебя, начало Высоких и мятежных дней!» (5, III, 1–2).

2) Герой в составе «МЫ», как часть «МЫ»: нам, наш, «мы» в глагольной форме мн. ч.:

— *Домчимся* (1, IV, 1),
— *Наш* пусть стрелой татарской древней воли
Пронзил *нам* грудь (1, II, 3–4);
— *Наш* путь степной, *наш* путь — в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь! (1, III, 1–2).

3) Герой с другом:

— Мы, сам друг,* над степью в полночь стали (2, I, 1);
— Говорит *мне друг*: «Остри свой меч,
Чтоб не даром...
За святое дело мертвым лечь!» (2, IV, 3–4).

4) Герой и Она (в тексте — Ты, с Тобой, Твой (всегда с прописной буквы), Герой и Она оказываются — на поле боя:

— В ночь, когда Мамай залег с ордою
Степи и мосты,
В темном поле были мы с *тобою*, —
Разве знала ТЫ? (3, I, 1–4);
— Перед Доном темным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я *твой* голос сердцем вещим
В криках лебедей (3, II, 1–4).

5) Герой — всадник, на коне, герой в кольчуге:

— *Домчимся* (1, IV, 1).
— Мелькают версты, кручи... Останови!.. (1, VI, 1–2);
— *Вздывается конская грива*,
За ветром взывают *мечи*... (4, IV, 3–4);
— Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не спугнув *коня* (3, VI, 3–4);
— Освежила пыльную *кольчугу*
На моем плече (3, VI, 3–4).

6) Герой наедине с собой, со своим сердцем; притом — «как перед боем»:

Не может *сердце* жить покоем,
Не даром тучи собрались.
Доспех тяжел. Как перед боем,
Теперь твой час настал, — Молись! (5, IV, 1–4).

Все рассмотренное концентрированно, как в фокусе, сосредоточено в заключительном, пятом стихотворении цикла; ему предпослан эпиграф из Вл. Соловьева:

И мглою бед неотвратимых
Грядущий день заволокло.

Вторая строчка эпиграфа почти без изменений (изменена лишь форма глагола, безличная на личную), введена в текст стихотворения:

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась* мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.
За тишиною непробудной
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.
Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск, и трубы* лебедей.
Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех* тяжел, как перед боем,
Теперь твой час настал, — Молись!

Поэт и герой находятся в предчувствии «Грома битвы чудной», «высоких и мятежных дней»; над полем Куликовым, как и когда-то, «опять» — взошла и рассеялась «мгла», заволакивая «грядущий день»; и как бывает перед боем, наступила «тишина»: не слышно грома битвы, не видно молний боевых. Герой в этой тишине узнает начало «высоких и мятежных дней»: здесь «недаром тучи собрались». Поэтому и сердце его «не может жить покоем». И как итог — повеление себе и своему сердцу: «Твой час настал. — Молись!», как молятся перед началом боя.

В Куликовской битве поэт видел некий символ или, как говорят, знаковое событие: битва за правое дело может повториться. Отсюда сочетание прошлого, того, что было в древности (Мамай, орда, стрела «татарской древней воли» ↔ Князь), с тем, что происходит теперь («опять»: Опять над полем Куликовым Взошла и расточилась мгла; «как бывало»: Над вражьем станом, как бывало, И плеск, трубы лебедей), с тем, что будет: «Грядущий день». В его предчувствии соединились и «мгла» возможных «бед», и возможное «начало битвы чудной», начало «высоких и мятежных дней». Поэт надеялся на победную битву в грядущем дне, на «битву чудную»...

Как и в какой степени оправдались эти ожидания и надежды, Блок отразил в своем дальнейшем творчестве.

Summary

The poems' cycle "Na pole Kulikovom" ("On Kulikovo field", 1908) is a part of the cycle "Rodina" ("Motherland") (1907–1916). Anticipating the "grim" events of 1917 A. Blok reflects about the fate of his Motherland through his associations with the victory in Kulikovskaya battle in 1380. The dominating motif of the poem is the feeling of anxiety, the impossibility of peace: "No rest", "Silence is only a dream".

Примечания

ДОН — река в юго-западной России, впадает в Азовское море. В 1380 г. в верховьях Дона на Куликовом поле произошла победоносная Куликовская битва русских полков во главе с великим князем Московским и Владимирским с монголо-татарским войском Мамай (темник Золотой орды). По этой битве московский князь Дмитрий получил прозвище — Донской.

ДОСПЕХ — обычно мн. — **ДОСПЕХИ** — воинское снаряжение (латы, кольчуга и пр.) в древнее время.

ЗОЛОТАЯ ОРДА — Монголо-татарское феодальное государство. Основано в начале 40-х годов XIII в. ханом Батыем. В состав З. О. входили Зап. Сибирь, Сев. Хорезм, Волжская Болгария, Сев. Кавказ, Крым... Русские княжества находились от З. О. в вассальной зависимости. Столицы: Сарай-Бату, с 1-й пол. XIV в. — Сарай-Берке (нижн. Поволжье). В XV в. распалась на Сибирское, Казанское, Крымское, Астраханское и другие ханства.

КЛЁКОТ — прерывистые крики орла и других хищных птиц.

КНЯЗЬ — предводитель войска и правитель области (княжества) в Древней Руси и в удельный период. Великий **КНЯЗЬ** — Старший над удельными князьями. Здесь — великий князь московский и владимирский Дмитрий Донской — предводитель русских полков в Куликовской битве с монголо-татарами в 1380 г.

КОЛЬЧУГА — воинское снаряжение в виде защитной рубашки из металлических колец; часть снаряжения воина в древнее время.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА — Сражение русских полков во главе с вел. кн. Московским и Владимирским Дмитрием Донским и монголо-татарского войска под началом Мамай 8 сент. 1380 г. на Куликовом поле... Завершилась разгромом монголо-татар. Начало освобождения русского и других народов от монголо-татарского ига.

МАМАЙ — (?–1380), татарский темник, фактический правитель Золотой Орды... Потерпел поражение в битвах на р. Вожа (1378 г.) и на Дону (Куликовская битва 1380 г.). Потеряв власть в Золотой Орде, бежал в Крым. Убит в Кафе (Каф(ф)а — совр. Феодосия, (1783 г.))

МЕЧ — колющее и рубящее металлическое оружие. Употреблялось до конца XVI в.

НЕПРЯДВА — река, впадает в Дон. В междуречье Дона и Непрядвы расположено Куликово поле, на котором в 1380 г. произошла Куликовская битва.

ОРДА — в древности у тюркских кочевых народов — вид государственного объединения (первоначально — становище кочевых племен). Переносно — толпа, скопище...

ОРЛИЙ — то же, что орлиный (редко, высоко).

ПЛЕСК (лебедей) — «О шуме, производимом крыльями при полете птиц» (17-томный Словарь современного русского литературного языка).

ПОЛЕ КУЛИКОВО — Куликово поле, место Куликовской битвы 1380 г. Расположено в междуречье Дона и Непрядвы (левый приток Дона). Впервые упоминается в «Задонщине» — воинской повести конца XIV в. о Куликовской битве.

РАСТОЧИЛАСЬ — (мгла рас-точ-и-л-а-сь), форма от гл. *расточиться*: *рассеяться*, букв. — растечься: корень тот же, что в формах *течь*, *теку*, *течься*... См. дальше в тексте: За тишиною непробудной, За разливающейся мглой... *Разлиться*, *растечься* — синонимы.

РАТЬ — войско, военный отряд (старин., поэтич.).

РУСЬ — первоначальное название государственного объединения восточных славян IX в., Русская земля. С XIII в. возникли названия Белая Русь, Малая Русь. Термин просто «Русь» закрепился за сев.-вост. землями Древней Руси. Термин «Россия» появился в конце XV в. и до нач. XVIII в. употреблялся наряду с Русь, Русская Земля, Московское государство, Русское государство. С сер. XVI в. — Русское царство (1547 г. — венчание на царство Ивана IV, Грозного); с 1721 г. — Русская империя (в 1721 г. Петр I получил титул императора). С 1917 г. — РСФСР, с 1991 г. — Российская Федерация (Россия).

САБЛЯ — колющее и рубящее холодное оружие: стальной эластичный клинок с рукоятью (эфесом), длина — не более 105 см, масса — до 500 г. Из венгерского языка (от *szabni* — резать).

СТЯГ — то же, что знамя (высок.). Первоначально, видимо, — древко знамени (корень тот же в глаголе *стягивать*).

ТЕМНИК — военачальник в монголо-татарском войске, командовавший туменом.

ТУМЕН (тумэн) — высшая орг.-тактическая единица монголо-татарского войска в XII–XIV вв., численностью в 10 тыс. воинов, подразделяемая на тысячи, а они — на сотни и десятки, возглавляемая темником (ср. тысячники или тысяцкие, сотники, десятники).

ТРУБЫ ЛЕБЕДЕЙ — перен. — о криках лебедей; ср. *трубить* — издавать сильные низкие звуки...

ХАНСКАЯ (сабля), притяж. прилаг. к **ХАН** — (тюркск.) вождь племени, государь; в Монгольской империи — правитель улуса (административно-территориального объединения племени, подвластного хану).

Статья поступила в редакцию 4 декабря 1998 г.